

Переславская Краеведческая Инициатива

Тип документа: статья. — Тема документа: дендросад. — Код: 183.

Тупик за железной оградой

Переславский дендросад. 60 га площадь. Сотни редких, порой уникальных видов растений, «привитых» энтузиастами на нашу почву и получивших «переславскую прописку». Включён в Международный каталог ботанических садов, в Совет ботанических садов России... Да, это всё о нём, о нашем Переславском дендросаде, который вдруг стал никому не нужен.

Наверное, надо бы сказать, что таким дендросадам редко может похвастать иной областной центр. Больше того, в России такие природные уникалы можно сосчитать по пальцам. Казалось бы, не только власти, но и любой переславец, переполненные гордостью, что это чудо принадлежит каждому из нас, ещё выше поднимает славу нашего города, осиянного навеки памятью народа о родине русского флота, о гениальных памятниках каменного зодчества, понимают, что этому богатству нет цены. Увы... Если б это было так, не написал бы я этого тревожного очерка.

Можно ли Переславлю обойтись без дендросада? Господи, конечно же, можно. Тысячу лет жил без него город, заложенный Юрием Долгоруким, — заштатный городишко с обывательской душой — жил и никуда не высывался. Прожил бы он и без гордого, но ни к чему не обязывающего звания родины русского флота. Ну и что, родина — так родина. Авианосцы, что ли, из-за этого строить на берегах Плещеева озера?

Всё логично. Да вот душа противится этой логике. И ещё как! Изменился город, стал совсем другим, вылез из душного кокона звания заштатного уже в тот момент, когда остановился на берегу Плещеева озера юный Пётр и вперил дерзкий взгляд в залесские просторы. Изменился он и тогда, когда в 1952 году фанат духа человеческого и леса, красоты земной С. Ф. Харитонов перенёс на выделенный ему лесничеством гектар земли несколько опытных растений из своей усадьбы.

И он, наш город, не просто изменился. Он выбрал себе судьбу. И выбрал судьбу особую — духовную ношу не по уездным меркам. Выбрал и для нас. И этого нам забывать не след. Так почему же сегодня, когда судьба дендросада, получившего международный авторитет, вошедшего в Совет ботанических садов России, покатила под откос, когда ему уготована роль обычной лесной делянки вместо научного центра, когда он рушится, разворачивается и гибнет, — почему именно сейчас мы забыли о том, что он нас возвысил собой, дал незаслуженный нами авторитет целителей природы и её ревнителей стал воспитателем наших детей, их учителем Природы?

Я выскажу по этому поводу свою личную версию. Наверное, её можно оспорить, как и любую рабочую версию. Но толчок ей дают факты.

Итак, в маленьком уездном городишке в середине XX века появился дендросад. И все вспыхнули к нему любовью. Был энтузиаст — заслуженный лесовод России Сергей Фёдорович Харитонов, который взвалил на свои плечи всю тяжесть практической работы, а остальным — от руководства лесокомбината до городского и районного — оставалось купаться в лучах славы. Ещё бы, уже в 1962 году дендросад был зарегистрирован как опорный пункт по селекции и интродукции в Международном каталоге ботанических садов. Правда, этой благостной идиллии слегка мешал С. Ф. Харитонов, требующий для своего детища то то, то другое, но это можно было пережить. Вон уже на международные симпозиумы приглашают... Ну, а между собой не грех и посмеяться — чудит дед (о Харитонове), но во славу вящую. И во всех кабинетах он находил понимание, везде ему руки жали

и говорили лестные слова о заслугах перед садом, а значит, и городом. Секрет повальной любви к дендросаду в те годы, на мой взгляд, был прост — государство платит, деньги даёт на сад. Бог с ним, с дедом — пусть чудит.

А сад тем временем превратился в рукотворную жемчужину Переславского края, стал центром природно-декоративной архитектуры, рассадником экологических знаний, воспитателем нескольких поколений детей в духе любви к земле, наконец, научным центром всероссийского значения, с программой исследовательских работ, значение которой трудно переоценить. И вот именно таким - зрелым, перспективным, архиполезным не только для престижа города, но и его здоровья, души, будущего — он стал никому не нужен. И здесь тоже секрет прост: денег нет.

Когда я пишу, что дендросад никому не нужен, — я высказываю опять-таки своё личное мнение. Во время многочисленных бесед не нашлось ни одного чиновника, который бы мне это сказал прямо. Наоборот. Сценарий всех разговоров примерно один:

— Как не понимать значение сада? Я его очень люблю. Он — гордость наша. Но... денег нет.

А без денег, как вы сами понимаете, любовь к дендросаду у чиновников становится чисто платонической.

— Вы уж как-нибудь сами...

А между тем сад осиротел. Ушёл из жизни его отец и кормилец Сергей Фёдорович Харитонов, которому по всем божеским и человеческим законам город должен был поставить памятник (поставили — валун). Но зёрна, которые он бросил в землю и в людские души, дали всходы. Эстафету «дед» передал в хрупкие руки Л. И. Телегиной. Точно так же, как и «дед» — Любовь Ивановна фанат дендросада. А с фанатами всегда, работать непросто. И мало в городе найдётся «серьёзных» кабинетов, из которых на неё не просочилось бы чиновничье раздражение — вокруг такое творится, а вы со своим садом...

А она глотнёт таблетки — и снова идёт.

С садом надо что-то решать. Не дать ему погибнуть... Идёт насмарку многолетний упорный труд многих учёных, энтузиастов...

— Да, надо что-то решать! — говорили Телегиной в лесничестве, лесхозе, на лесокombинате, в Национальном парке, в райсовете и горсовете, в районной и городской администрациях, в Переславском территориальном комитете экологии и природных ресурсов.

И говорили... искренне. Но у каждого говорившего находились проблемы поважнее, побольнее, понеотложнее. Люди страдают — сад может подождать ещё немного.

Не может сад подождать. Я не раз был там, ходил с его работниками по этой уникальной территории, любовался красотой невостребованной. И на каждом шагу — признаки разрушения, метастазы грядущей гибели. Наверное, надо назвать хоть некоторые из главных признаков.

Дендросад стал проходным двором. Разворовываются и уничтожаются не только плодовые посадки, но и редкие кустарники, декоративные растения. Забор на треть разрушен. Охраны практически нет. (Из пяти положенных по штату — один, остальные вакансии. Непросто сейчас найти на трудную, да и опасную работу добровольцев за 40 тысяч рублей).

Развалилось всё парниковое и тепличное хозяйство. Трубы растащили, деревянные каркасы сгнили, кирпичные — тоже пришли в негодность, склад — заваливается, стена вот-вот рухнет, а где хранить семена, черенки, саженцы? Каскад прудов — в шоковом состоянии. Перемычки бетонные раскрошились. Не дай бог наводнение — беда просто непоправимая. Да и как вести обычные земляные, посадочные, природоохранные работы, если нет у сада нормальных почвообрабатывающих агрегатов, специального инвентаря? Лопату — на плечо — и марш на борьбу за экологию, за красоту подлунную!

Три года назад прирезали дендросаду ещё 13 гектаров земли. И что? Стоит, сорняками набухает. Не обихожена, даже не огорожена. Сам сад нечем защитить от вредителей — хвоя болеет, желтеет. А врачей-лесопатологов, чтоб диагноз поставили да подлечили — пригласить не могли.

Все перечисленные проблемы завязываются в неразрушаемый узел одной — наличием денег. Вернее, их отсутствием. На охрану, на восстановление парников, строительство склада, реконструкцию каскада озёр, на забор и почвообрабатывающий инвентарь, на командировки и научные работы, то есть на всё то, без чего дендрарий превращается в обычный малоухо-

женный кусок лесопарковой зоны Переславля, где можно позагорать да и заодно раздавить бутылёк «беленькой».

Когда-то, несколько лет назад, в городе вспыхнула идея передать дендросад Национальному парку. Идея, в принципе, передовая. Кому как не Национальному парку, самим статусом своим обречённому радеть за каждый кустик на нашей земле, взяться за сохранение и развитие природной, рукотворной жемчужины края? При условии, естественно, поддержки со стороны городской и районной властей?

Директор парка Юрий Алексеевич Чаплин, человек решительный и мыслящий, разглядел хорошие перспективы этого дела. Состоялось совместное заседание районного и городского Советов с длинной «скамейкой» приглашённых — заинтересованных сторон. Тогда ещё, напомню, дендросад содержало государство.

Вопрос не был решён. Лесокомбинат, считая, что это его детище, — а на готовенькое охотники всегда найдутся — отстоял дендросад в своей епархии. Ю. А. Чаплин, естественно, обиделся. Советы сочли свою миссию выполненной. Всё вернулось на круги своя.

Любовь Ивановна Телегина не раз опускала руки — она в штате лесхоза. Над ней целый набор начальников. «Свой» лесничий, главный лесничий, директор лесокомбината, а ныне лесхоза, областные структуры. Особенно не повыступаешь. Ситуация, в принципе, идиотская складывается: выступаешь за дендросад — и вроде не патриотом родного лесхоза становишься. Тут тебе и тычки: не суйся, согласуйся, утихни, зачем куда-то ходишь, что-то требуешь. Дошло до того, что выволочку от начальства получала за то, что пускала в дендрарий детские экскурсии. Без нашего ведома? В наш лесхозный садик?!

А ведь не дураки и не чурбаки бессердечные начальствуют над дендросадам. Взять того же главного лесничего Николая Александровича Анкудинова. Долго мы с ним разговаривали. И разошлись, в принципе, довольные друг другом, как пишется в коммюнике — «на почве взаимного согласия». И я не уловил у главного лесничего ни малейшего враждебного нюанса к дендросаду, тем более, что Николай Александрович много лет и здоровья отдал этому саду, работая лесничим, можно сказать, строил дендросад. В главном, повторяю, мы сошлись.

Да, у лесхоза задачи пообъёмнее, чем кажется на первый взгляд, и дендросад в них занимает далеко не ведущую позицию. И проблемы, кроме дендросада, одолевают не менее серьёзные. Тут мы сошлись. А разошлись в нюансах.

— Зачем вы, Николай Александрович, «спускаете» дендросаду производственный план? Три тысячи саженцев яблони, сливы, груши на продажу, косить сено, сдавать лекарственные растения, кору, дикорастущие плоды и ягоды?

— Надо зарабатывать на жизнь. Рынок.

— Но цель у дендросада иная, более возвышенная, научная, он же не теплица?

— А было бы неплохо...

А я хотел сказать о другом. О том, что дендросад — это уже не просто часть города, а кусочек его жизни. Что школы уже не представляют себе природоохранной работы без дендросада, что для нескольких поколений школьников он стал в этом деле главным воспитателем, что они ушли во взрослую жизнь с воспитанным здесь чувством уважения к родной земле.

Я хотел бы сказать, что нельзя жалеть денег на то, чтобы пригласить лесопатологов вылечить хвойные деревья, а скульпторов и архитекторов, чтобы создать живые декоративные ансамбли из редких кустарников, от которых у людей захватывало бы дух, что не запрещать детские экскурсии в дендрарий надо, а наоборот, идти в школы и просить детей стать друзьями сада. Ведь тогда они станут и друзьями леса.

Я не сказал всего этого Анкудинову не потому, что он этого не поймёт. Я просто знал ответ. Нет денег. И на реконструкцию, и на охрану, и на возрождение, и на само выживание дендросада.

Но тогда напрашивается вопрос: зачем же здесь так держаться за него? Ведь, в принципе, у лесхоза совсем иные задачи. И это понимали многие. И многие годы понимали. Ещё не забыты попытки передать дендросад и в Академию наук, и в институт экологии и морфологии животных, и в научно-исследовательский институт лесного хозяйства, и в главный Ботанический сад Академии наук. Задумайтесь, почему — и вы поймёте. Уже тогда чувствовали многие, что дендросаду не место в лесхозе, что он должен быть поближе к науке.

Если бы не преждевременная смерть друга нашего дендрария академика Петра Ивановича Лапина, заместителя директора главного Ботанического сада Академии наук — судьба Переславского дендропарка была бы иной.

Вряд ли стоит спорить с голой истиной: дендросад должен искать и найти своё место в рыночной экономике. Нравится это кому-то или нет — должен. Но бесспорно и другое: нельзя это делать столь примитивно, не через волевой план, спущенный сверху, а скорее, через предпринимательское творчество самого дендросада, через помощь города ему в становлении рыночных реалий. Надо сделать так, чтобы всё это органически, не болезненно стало обиходной частью программы существования дендросада, не заслонив главное его предназначение, которое не измеримо ни на каких рыночных весах: воспитывать в человеке человека.

Вот так, думаю, перестроиться можно. Взять те же парники и теплицы. Если город поможет их реконструировать и расширить — будет решён вопрос с овощами, если город поможет с надёжной охраной — не будет у Переславля проблем с плодовыми деревьями. Если город, через ЖКО, на постоянной основе выступит заказчиком декоративного кустарника, деревьев, вьющихся растений для озеленения улиц и площадей, если в роли заказчика выступают крупные предприятия — это снимет раз и навсегда финансовые сложности, ставшие сегодня непреодолимыми.

С кем только я ни говорил, все готовы саду хоть немного дать. Естественно, денег. И комитет экологии, и Национальный парк, и лесхоз, и мэр города. А может, иначе? Может, просто включить на договорных основах дендросад в сферу своих деловых интересов? Может, тогда кончится унизительная полоса латания дыр и хождений с протянутой рукой?

С 1980 года дендросад включён в список объектов показа иностранным туристам. Может быть, вспомнить об этом и подготовившись как следует, перезаключить договор и начать зарабатывать валюту? Да плюс к этому поставить в саду киоск, где интуристы могли бы приобрести плетёные сувениры из нашей лозы? Да буклеты, проспекты, открытки, поделки из дерева и материи? А может, ещё что?

Разговор обо всём этом возник у меня и с главой городской администрации В. И. Шестернёвым. Скорый на помощь духовным ценностям, мэр немедленно нашёл возможность помочь саду двумя-тремя миллионами. Это уже хорошо. Это говорил хозяин города. А руки просто чешутся добавить: хозяин города, в котором есть городской дендросад.

Возможно, это и будет выходом из тупика?